Елена Хаецкая

Синие стрекозы Вавилона

Том 1

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

…Этот город принадлежит всем сразу. Когда-то ставший символом греха и заклейменный словом «блудница», он поразительно похож на мегаполис XX века. Он то аллегоричен, то предельно реалистичен, ангел здесь похож на спецназовца, глиняные таблички и клинопись соседствуют с танками и компьютерами. И тогда через зиккураты и висячие сады фантастического Вавилона прорастает образ Петербурга конца XX века.

- Елена Хаецкая
  - ○
- notes
  - ○ 1

Елена Хаецкая
Судья Неподкупный

Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции
у моря.

Иосиф Бродский

Аткаль был рабом Хаммаку. Так, во всяком случае, значилось по таблицам.

Ибо официальные документы составлялись на глиняных таблицах, как повелось исстари. Только потом уже данные передавались в компьютерную службу городской информации.

Но компьютер компьютером, а богов гневить незачем. Скучные, неизобретательные люди – граждане Сиппара. Консервативные. Да и службу-то информационную завели в городе на пятнадцать лет позже, чем появилась она в Вавилоне. Все артачились отцы города, берегли городскую казну, и без того сильно разворованную.

По этим самым таблицам выходило, что Аткаль учтен был по долговым обязательствам его родителей; тогда же была определена цена ему – 25 сиклей немаркированного серебра. Таким-то образом и перешел малолетний Аткаль в собственность госпожи Китинну, матери Хаммаку.

Госпожа Китинну, в свою очередь, преподнесла мальчика своему сыну – подарок сделала на день рождения. Хаммаку, по малолетству, о том не ведал; несколько лет прошло, прежде чем понимать начал, что к чему. А тогда был Хаммаку таким же несмысленышем, как его раб; они и выросли, можно сказать, вместе.

Так что на самом деле вместо брата был Аткаль своему молодому господину.

Где один, там и другой.

Пойдет, например, молодой Хаммаку к воротам Думуку. До ночи не смолкает там буйное торжище. Есть, на что поглядеть, что послушать, обо что кулаки размять. Там-то непременно найдет себе занятие Хаммаку – обязательно сыщется кто-нибудь, кто ему не угодит, не ценой на товар, так рожей, не рожей, так мятыми бумажными деньгами, а то просто пена в пивной кружке подозрительно жидкой покажется. Аткаль тут как тут: стоит за спиной господина своего, поддакивает, вставляет словцо-другое.

А то понесет обоих в кабак к чернокожей Мелании. Сколько раз уж напивался там Хаммаку до положения риз. И Аткаль, бывало, не отстает от господина своего: тоже лыка не вяжет. Так вдвоем, друг за друга хватаясь, идут по улице, песни горланят: господин в лес, а раб по дрова.

Возвращаясь домой пьяным, не упустит Хаммаку случая пошалить: то по витрине камнем ахнет, чтобы поглядеть, как весело брызнут стекла. То к девкам начнет приставать. И здесь не в стороне Аткаль: битое стекло каблуком, каблуком; девке строптивой по шее, по шее: не ломайся, когда благороднорожденный волю свою изъявляет. Сказано: ложись, значит, ложись, хоть на траву, хоть на мостовую, хоть в сточную канаву. А после Хаммаку, глядишь, и сам к той же девке сунется. Иная быстро смекнет, которому из двоих отказать нельзя, а кто перетопчется. А другая, глядишь, и Аткалю даст. Но Аткаль в любом случае не в обиде. Нрав-то у него незлой.

Кроме того, замечено было, что Аткаль всегда оставался трезвее хозяина. Не было еще случая, чтобы не довел кровинушку до дома. И госпожа Китинну ценила молодого раба. Смотрела сквозь пальцы даже на мелкие кражи в доме (а такой грешок за Аткалем по незрелости лет водился). Сумел убедить ее раб в полезности своей, потому терпели его в хозяйстве. И даже пороли реже, чем следовало бы.

А следовало бы.

Хоть как брат был Аткаль для Хаммаку, а по глиняным таблицам все же числился его рабом.

Жили они в городе Сиппаре, в двух переходах от Вавилона. Невелик и скучен Сиппар.

Но и Сиппара достигает душное дыхание вавилонье, где все смешалось: тяжелые женские благовония и дымы кадильниц на многочисленных алтарях (ибо кому только не поклоняются в Вавилоне!), кисловатый дух человеческого пота и сытный чад от готовящихся блюд (ибо сытнее и вкуснее, чем в иных местах Земли, едят в Вавилоне)…

Каждый вдох, каждый выдох огромного города жадно ловит Хаммаку. Точно голодный на запах хлеба, тянется к любому слушку из столицы. И коростой от испарений Вавилона покрылась душа Хаммаку.

Все это видела мать, госпожа Китинну, хозяйка дома. Каждый вечер возносила она горячие молитвы, обратясь лицом туда, где в громаде черных садов высились стены храма Эбаббарры.

И слушало обитавшее там божество.

– О Шамаш, Солнце Небес Вавилонии! – говорила старая

женщина, и тяжелые золотые серьги качались среди черных с проседью, густых ее волос речи в такт. – Каждый день проходишь ты от Востока к Закату. Держишь путь от пределов Шаду, где поднимаешься с ложа твоего, до пределов Амурру, где ждет тебя новое ложе. Видишь с небес все, чинимое людьми, и нет ничего, что не было бы доступно божественному твоему взору. Потому назван ты богом Справедливости, Судьей Неподкупным.

Почтив такими словами божество, переходила мать Хаммаку к заботам, что тяжким камнем лежали у нее на сердце.

– Нынче же, в воскресенье, в день твой, принесу тебе еще одного ягненка, сосущего мать, и пусть кровь его прольется в твою честь на золотом алтаре. Убереги моего сына Хаммаку, удержи от бесчинств. Пусть бы поменьше таскался по девкам, не мотал бы деньги по кабакам. Полно тревоги сердце мое. Что будет, когда не станет рядом с ним матери? Кто позаботится о том, чтобы хватало ему и хлеба, и кефира, и сладких булочек с маком?

Не напрасны были тревоги госпожи Китинну. Скончалась в самом начале лета и похоронена была в семейном склепе, о котором сама же заранее и позаботилась, ибо слишком хорошо знала беспечный нрав своего сына.

К началу месяца арахсамну завершился траур по матери.

Унылое время простерлось над Сиппаром. Листья с деревьев облетели, снег выпал и тут же растаял. Под утро подмораживало.

Как раз наутро и гнал Хаммаку раба своего за пивом, либо за кефиром, смотря по тому, какой напиток употреблялся накануне. На гололедье, да с похмелья поскользнулся и грянул головой об асфальт несчастный Аткаль. И так умом не крепок, а тут совсем дурачком сделался. Пил себе пиво да улыбался под нос. Как будто ведомо ему что-то стало. Будто тайну ему какую-то доверили, и болтается эта тайна у него во рту, в зубы стучится – на волю просится.

Хаммаку разозлился, два раза по морде ему съездил – не помогло; он и отступился. Не до улыбочек аткалевых, у самого голова трещит.

Тут кстати и день рождения молодого господина подоспел – 11 арахсамну[1]. Двадцать семь лет назад появился на свет младенец, зачатый в законном браке от благородных и благороднорожденных родителей; отделен был от последа, погребенного надлежащим образом и при соблюдении всех обрядов; обмыт, запеленут и закутан ради предохранения от сквозняков – и в таком виде поднесен к материнской груди.

С тех самых пор ничего, кроме тревог и неприятностей, не видела от него госпожа Китинну. Но рука у хозяйки дома была

твердая: крепко держала она в узде своего неистового отпрыска. Умела приструнить, когда надо. Могла и денежного содержания на неделю-другую лишить. А истерики Хаммаку были для нее как свист ветра в трубе.

И вот мать умерла. Как с цепи сорвался Хаммаку. Поначалу еще вел себя более-менее смирно. Будто пробовал: а что будет, если из материнского приданого, для будущей жены Хаммаку сберегаемого, взять золотые серьги да пропить их?

Попробовал. Пропил.

И ничего ему не было. Ни от богов, ни от людей.

Напротив. Весело было. Девки – те даже целовали ему руки и ноги. Заодно и верному Аткалю перепало. Пока господин шалил с девицами, раб сзади стоял, дергал его за полу, знаки делал, рожи корчил. И снизошел Хаммаку – отцепил от себя самую щуплую из девиц, наделил раба своего: пользуйся, Аткаль. А девке строго наказал: «С ним пойдешь». И пошла, не посмела перечить.

Хаммаку это очень понравилось.

Да и Аткалю понравилось.

Вот напьется Хаммаку, двинется по знакомым кабакам куролесить; Аткаль за ним тенью. Встретит знакомого, позовет с собой. Тот хоть и понимает, из чьего кармана деньги на угощение, а благодарность испытывает все-таки к Аткалю: кабы не позвал Аткаль, ничего бы и не было – ни веселья, ни даровой выпивки, ни баб.

На свой день рождения пышный пир устроил молодой господин Хаммаку. Полон дом гостей назвал.

Пришли к нему сыновья богачей. Многие уже тишком ощупывали деревянную облицовку стен, шарили глазами по комнатам – удобно ли расположены; понимали – недалек день, когда Хаммаку заложит, а то и продаст дом свой.

Явились и гости поплоше, попроще. Их Аткаль втихомолку наприглашал, о чем Хаммаку не то чтобы не знал, а как-то не задумывался.

Аткалевы гости тоже глазами по сторонам зыркали, однако же воровать ничего не смели. С самого начала предостерег их насчет этого Аткаль: «Чтоб рук не распускали. Замечу – выдам властям. И не местному бэл-пахату, а ордынцам, когда за данью приедут. Брошусь в ноги и будь что будет».

Угроза подействовала. И хоть знали все, что голос Аткаля не может звучать громко в Сиппаре, да и нигде не земле – виданое ли дело, чтобы голос раба где-нибудь звучал громко? – а кто их знает, ордынцев, могут ведь и услышать.

Под Ордой жили вавилонские города тридцать шестой год. С

той поры, как поросло травой забвения Великое Кровопролитие, жили, можно сказать, не тужили. Орда напоминала о себе нечасто. В Сиппар два раза в год наведывался на косматой лошадке низкорослый кривоногий человек с узкими глазами на плоском лице; с ним еще десяток таких же узкоглазых. Бэл-пахату, городской голова, с нижайшими поклонами выносил дань – большой холщовый мешок, набитый серебряными слитками, каждое клейменое, лучшего качества. Ордынец даже в здание мэрии зайти не всегда соизволит, только в мешок заглянет, проверит, точно ли серебро. Навьючит на лошадь; с тем и уедет. Ни здрасьте, ни до свиданья.

В самом начале ордынского владычества, на втором или третьем году Великого Кровопролития, мэр города Аррапха решил подшутить над косоглазым: вынес ему в мешке вместо серебра столько же по весу булыжников, из мостовой выломанных. Ордынец мешок с данью взял, не проверив, да так и уехал в степи.

Неделю Аррапха за живот держалась, чтобы пояс не лопнул от смеха. Целую неделю поносила невежд-завоевателей. Косыми глазами своими не отличают серебро от камней! Драгоценностью предстало варварам то, что топчут ногами благородные граждане – вот каковы эти варвары!

На десятый день смеха вернулись ордынцы. Было их больше тысячи. Вошли в город на рассвете вместе с большим торговым караваном. Разговаривать не стали – вырезали все население, не пощадив ни женщин, ни детей. Заодно и пришлых купцов из каравана истребили, хотя вот уж кто был решительно не при чем.

Больше с данью никто шутить не решался.

В местные дела ордынцы носа не совали. Под солнцем их безразличия процветали торговля и храмы, сельское хозяйство и ремесла обширной Империи. Кто разберет темные души косоглазых – странный они народ, непостижимый для цивилизованного человека.

Маячили ордынцы где-то в степях к северу от Вавилона, далеко от стен городских. Каким богам молились, чем там, в своих степях, занимались? Охота еще думать об этом…

Иной раз, случалось, испытывали ордынцы потребность в людской силе. Однажды в Сиппар нагрянули – было это года через два после рождения Хаммаку. От серебра на сей раз отказались, вынь да положь им двести молодых мужчин.

Покуда отцы города думу думали, списки ворошили, рвали друг у друга бороды, разбираясь, кто и сколько задолжал казне и с кого, следовательно, надлежит снять большее количество молодых рабов, ордынцы решили вопрос по-своему. Не стали

дожидаться. Прошлись по улице, захватили столько человек, сколько им требовалось, и, связав веревкой, угнали в степи.

Таким образом угодили в рабство несколько благороднорожденных. Потом в Орду ездили родители знатных юношей, валялись у грязных сапог косоглазого владыки, молили отпустить сынков, деньги трясущимися руками совали. Ордынцы на деньги и не поглядели. Владыка же сказал отцам сиппарским, над горем их посмеявшись: «Всего вашего серебра не хватит, чтобы заставить нас в сиппарском полоне копаться, искать для вас сыновей. Все вы на одно лицо, и противное это лицо». И ушли ни с чем отцы сиппарские.

Но это было давно, года через два после того, как глаз Шамаша впервые упал на Хаммаку.

Что же увидел глаз Шамаша в день нынешний, 11 арахсамну 36-го года?

Увидел он пиршественные столы, загромоздившие столовую покойной госпожи Китинну. Не хватило одного стола рассадить всех гостей Хаммаку. Пришлось нести еще два. Один взяли из кухни, другой у соседей заняли. Заодно и самих соседей в гости зазвали. Аткаль постарался. Юлой вертелся, у всех на виду, у всех на слуху: как можно без Аткаля?

Никак не можно.

Противно Шамашу.

Да и кому бы понравилось: стол весь в объедках, в винных лужах, морды у гостей пьяные, распухшие, речи ведутся бессвязные.

Но вот поднял голову и вскричал Хаммаку, вспомнив неожиданно о брате своем названном:

– Где Аткаль? Хочу видеть Аткаля!

Тотчас услышал его Аткаль, подбежал, мокрый рот растянул в счастливой улыбке – дурачок дурачком с тех пор, как об асфальт стукнулся.

– Раб! – обратился к нему Хаммаку. И глубоко задумался.

Аткаль ждал с терпением. И любовь светилась во взгляде его темных, слезливых от выпитой водки глаз.

И исторг Хаммаку такой приказ:

– Свечек желаю именинных числом двадцать семь!

Аткаль искренне огорчился:

– Да где ж я их возьму?

– Не знаю, – немилостиво произнес Хаммаку. – Ищи где хочешь, но чтобы через пять минут были.

И ушел с пиршества озадаченный Аткаль – свечи именинные господину своему искать. Где бродил и долго ли отсутствовал –

того не понял никто, включая и самого Аткаля, ибо все были чудовищно пьяны. Но свечки числом ровно двадцать семь добыл. На вопрос, откуда добро (не похитил ли, а то отвечай потом за дурака), только улыбался улыбочкой своей, таинственной и глупой.

И Хаммаку рукой махнул: и впрямь, не все ли равно. Главное – вот они, свечечки. А то какой день рождения без именинных огней? Мама – та всегда пирог большой заказывала в пекарне. И приносили пирог маленькому Хаммаку – огромный, как тележное колесо…

Не стало мамы, и наперекосяк все пошло. Вот и пирога нет, не побеспокоился никто.

Повелел Хаммаку рабу своему стать на колени. Аткаль приказу подчинился, на колени стал, лицо к брату названному поднял, улыбнулся. Чуял, задумал что-то Хаммаку. Какую-то знатную шалость.

– Голову ровно держи! – прикрикнул на него Хаммаку.

И начал привязывать свечки к волосам Аткаля – одну за другой. Тщательно привязывал – не хотел раба своего подпалить. Да и в доме пожар совершенно лишнее дело.

Привязывал и приговаривал: «Подарок ты мой ко дню рождения…»

Потом зажигалку вынул из кармана.

Гости, смекнув, в чем забава, смеяться начали. И Аткаль смеялся, хотя горячий воск стекал ему на голову, больно обжигал. Хорошую шутку отмочил Хаммаку, с фантазией человек. Далеко пойдет, если не прирежут его по пьяной лавочке.

Только когда свечи почти до самых волос аткалевых догорели, соблаговолил господин Хаммаку – дунул. С третьего раза все загасил под общий хохот и гром аплодисментов. Пнул Аткаля ногой – иди, не нужен больше.

Поднялся Аткаль и вышел на улицу. Волосы слиплись от воска, на левом виске обгорели немного, лицо в потеках сажи, хмель из головы выветрился. Шел и давился слезами, а отчего так ломило в груди, и сам понять не мог.

Но всему приходит конец, и хорошему – скорее, чем плохому. Закончилось материнское приданое. Все пропил Хаммаку на радостях, что нет за ним больше глаза. Уплыли за полцены в жадные руки торговцев платья, выкрашенные синей и пурпурной краской, драгоценности, особенно же – диадема с зелеными камнями в трех зубцах. Даже кое-какую мебель продали.

Вокруг Хаммаку уже торговцы недвижимостью виться начали. Отпихивали друг друга, вели с молодым хозяином липкие,

многозначительные разговоры. И впрямь, дошло уже до того, что начал прикидывать Хаммаку, не заложить ли ему дом свой.

А потом неожиданно одумался. На удивление всем встряхнулся. И в пропасть, для него заботливо приготовленную, так и не шагнул.

Друзьям Хаммаку это, понятное дело, не понравилось.

До того даже дошло, что то один, то другой тащил Аткаля в кабак, угощал там за свой счет, а после жадно выспрашивал у него, пьяненького: «Что это с молодым господином приключилось?»

Аткаль даровую выпивку принимал с охотой и, по обыкновению своему, еще дружков приводил – пусть и тем перепадет немного радости. Приятели Аткаля сплошь были дрянь и голодранцы, но дом Хаммаку стоил того – терпели стервятники и Аткаля, и дружков его.

Однако только то и сумели из раба вытянуть, что ударился он головой об асфальт, что господин Хаммаку далеко пойдет, поскольку фантазия у него богатейшая, и что, возможно, откроет господин Хаммаку свое дело.

«Да какое дело-то?» – допытывались у Аткаля. Тот не отвечал, поскольку и сам ничего не знал. Только так, догадывался.

Но так или иначе, а в деньгах Хаммаку нужду испытывал. И долго бы ломать ему голову, к раздумьям не слишком привычную, если бы не счастливый случай.

В начале зимы прибыл в Сиппар приказчик вавилонского банкира. Звали приказчика Рихети.

Случай свел его с Хаммаку у торговых ворот, где приказчик привязал своего осла, поручив пареньку из лавочки за небольшую плату стеречь животину и ее поклажу. Сам же отправился по своим делам, устроив ослика, как думал по наивности, наилучшим образом.

И вот выясняется, что и паренек-то к лавочке никакого отношения не имеет, и что за такие деньги не то что осла – ослиный помет стеречь никто не станет, а главное – ни осла, ни паренька, ни денег своих господину Рихети не видать уже никогда.

Настроение господина Рихети было не из лучших. Ибо нравы провинциальные оказались грубы, а народишко куда как неотесанный.

Тут-то и подвернулся ему Хаммаку.

На самом деле Хаммаку давно околачивался поблизости – любопытствовал. Выждал момент и объявился: вот он я. Вы из столицы, господин? Оно и видно. Сразу заметно, что вы из Вавилона. И выговор чистый. И одежда пошита исключительно.

Да и парикмахер, по всему видать, у вас отменно опытный…

– А толку-то? – Господин Рихети сердито оборвал цветистую речь молодого сиппарца. И с досадой махнул рукой. Пухлой такой ручкой, с женскими почти ямочками у каждого пальца.

Был этот господин Рихети такой кругленький, толстенький, с лоснящимся лицом. Имел крупную глянцевитую лысину, по которой так и тянуло пощелкать ногтем, и густые черные брови, приподнятые как бы в вечном удивлении.

И глядя на огорчение почтенного этого господина, все больше проникался Хаммаку искренним желанием облегчить ему тяжкую ношу неприятностей. Сгладить неприятное впечатление, произведенное Сиппаром. Воистину, это не более чем недоразумение. И если господин соблаговолит…

Словом, Хаммаку пригласил вавилонца к себе в дом – это совсем недалеко отсюда, господин! – на стаканчик доброй домашней наливки. Чисто символически. Не на улице же разговаривать.

Рихети согласился.

Несмотря на опустошения, произведенные кутежами Хаммаку в домашней казне, жилище его все еще хранило память о госпоже Китинну и выглядело вполне благопристройно. Разрушить дом – на это тоже время требуется.

Когда вошли, спугнули трех жуликоватых с виду бездельников, собравшихся вокруг бутылки. Щедр был Аткаль, когда заходила речь о хозяйских запасах. Одного Хаммаку кое-как знал – раб из соседского дома, помогал Аткалю столы таскать на памятный тот день рождения. Остальных впервые видел.

– Брысь, – в спину им сказал Хаммаку.

Господин Рихети проводил их глазами, подумал о чем-то, едва вслух не высказался, но смолчал. До поры.

Позволил усадить себя в кресло, принял из рук молодого хозяина стаканчик, наполненный красным сладким вином, густым – хоть в пирог вместо начинки клади. Поговорили о пустяках. Потом спросил Рихети, не трудно ли по нынешним временам содержать такое количество рабской прислуги. В три горла кушать не будешь, а использовать рабов в услужении – не приносит никакой прибыли.

Хаммаку пожал плечами.

– Да я бы и продал одного-двух, да где покупателя сыщешь? В Сиппаре состоятельных людей мало.

– Об этом-то я и хотел бы с вами поговорить, – уронил Рихети.

И еще раз огляделся в доме. Хороший дом, доверие внушает. Чувствуется здесь крепкая хозяйская рука.

Хаммаку неожиданно напрягся. Ему хотели предложить какую-то сделку. Он встал, налил еще вина, себе и гостю. Пожаловался на сиппарский климат. Вроде бы, недалеко от Вавилона, а насколько хуже здесь погода. Зимой мокро, летом ни жары тебе настоящей, ни дождей, для сельского хозяйства столь необходимых. Да, в Сиппаре жить – здоровье терять.

Гость вежливо позволил себе не согласиться. С точки зрения климата Вавилон, конечно, благоприятнее. Однако воздух вавилонский… Выхлопные газы… Одна только труба химкомбината чего стоит!.. Нечестивцы, воистину нечестивцы. Построили ее выше башни Этеменанки, хотя издревле запрещено в Вавилоне возводить что-либо выше башни Этеменанки. Того и гляди разгневаются боги. Впрочем, городским властям нет до того никакого дела. На взятках жиреют…

Хаммаку ни в малейшей степени не трогало оскорбление, нанесенное химкомбинатом священной башне Этеменанки. Однако же он покивал и похмурил брови. Ужасно, когда не соблюдаются традиции. Чудовищно. В голове не укладывается.

Провинция все же чище, продолжал господин Рихети. И старину чтит. И, главное, нет этого отвратительного смога.

Хаммаку позволил себе напомнить собеседнику, что для молодого предприимчивого человека Вавилон представляется обширным полем деятельности, в то время как Сиппар – сущая дыра и захолустье, только для ссылки и пригодное.

Рихети пожал плечами. Многое зависит от того, как повести дело. В Вавилоне чрезвычайно жесткая конкуренция. А здесь, в провинциальной глуши, многое еще предстоит сделать впервые. И тот, кому это удастся, может – при наличии известной ловкости – неплохо подняться.

– В любом случае, я ничего не могу начать без хорошего кредита, – сказал Хаммаку. Более молодой и нетерпеливый, он первым заговорил без обиняков.

– Я не уполномочен фирмой выдавать кредиты, – так же прямо ответил Рихети.

Но таким тоном было это сказано, что Хаммаку не успел ощутить даже мимолетного укола разочарования. Ясно было, сейчас последует предложение. И неплохое предложение. Выгодное. Может быть, даже очень выгодное.

Рихети попросил еще вина. И, если можно, какого-нибудь печенья. Хаммаку поспешно обслужил своего гостя.

Стоял, глядел, как пьет Рихети. Солнечный блик плясал на лысине приказчика. Хилый солнечный лучик чудом пробился сквозь толщу зимних облаков – и все для чего? Только лизнуть череп пожилого вавилонца и тут же исчезнуть.

Наконец Рихети отставил стакан. Вздохнул.

– Все не могу успокоиться из-за этого проклятого осла.

Хаммаку терпеливо ждал.

И дождался.

Дело заключалось в следующем. Господин Нидинта, владелец крупного банка в Вавилоне – собственно, интересы его фирмы и представлял уважаемый господин Рихети – нажил, а затем и многократно увеличил свое состояние, умело используя рабов, отпущенных в самостоятельное плавание. На оброк.

Господин Рихети не сомневается: уважаемый господин Хаммаку превосходно осведомлен о том, что многие почтенные граждане преумножают свое состояние именно таким способом. Выдают рабу все необходимое для того, чтобы тот мог открыть свое дело. Рюмочную-закусочную, например, или лавочку. А после только процент с прибыли получают. И это выгодно, чрезвычайно выгодно. Правда, поначалу требуются некоторые вложения. Но они полностью окупаются в течение двух-трех лет. Господин Нидинта имеет тысячи таких рабов. Собственно, на этих-то рабских забегаловках, киосках и мастерских по ремонту обуви и было создано грандиозное состояние господина Нидинты.

– Насколько я понял, у вас ведь имеется излишек рабов? – продолжал Рихети.

Хаммаку кивнул, не задумываясь.

Рихети еще раз оглядел своего собеседника с головы до ног. Среднего роста, немного тяжеловесного сложения, с крупными, грубоватыми чертами лица, в которых, однако, чувствовалась порода.

– Суть моего предложения такова. Вы продаете господину Нидинте одного из своих рабов.

Хаммаку криво улыбнулся.

– За него вы получите, скажем, шестьдесят сиклей серебра наличными, – продолжал Рихети. – Этому рабу будет выдан кредит – еще сто сиклей. На эти деньги он должен открыть свое дело. Какое – господину Нидинте безразлично. В течение двух лет он должен выплатить своему хозяину всю сумму кредита, а по истечение этого срока будет платить лишь 20 процентов от общей годовой прибыли. Это средний банковский процент.

– А моя-то выгода в чем? – жадно спросил Хаммаку.

– Вы можете работать с ним в доле, – пояснил Рихети. – При надлежащем умении, вложив шестьдесят сиклей, вы будете получать процент с оборота, вообще не участвуя в операциях. Вы когда-нибудь слышали о комменде?

Хаммаку никогда ни о какой комменде слыхом не слыхивал. Пришлось выслушать. Маленький приказчик увлекся, прочитал

целую лекцию. Комменда, узнал Хаммаку, создается путем сложения взносов нескольких дельцов. Выгодно всем, когда каждый из пайщиков не имеет достаточно средств вести дела в одиночку. Прибыль при этом делится в соответствии с размерами паев.

Прибыль – но не работа. Если один из пайщиков раб, а второй – гражданин Империи, то независимо от размеров доли гражданина, основную работу будет делать, понятно, раб.

– Следовательно, если ваш личный взнос составит шестьдесят сиклей, а начальный капитал, предположим, будет равняться ста шестидесяти… Вы улавливаете мою мысль, господин Хаммаку?

Хаммаку заверил собеседника в том, что да, улавливает.

– Ваш доход будет равен… – Приказчик возвел глазки к потолку, пошевелил пухлыми губами. – Да, 37,5 процента от общей прибыли. Еще 20% нужно будет выплачивать господину Нидинте. Итого, 42,5% останется на развитие дела. Ну, еще нужно вычесть налоги, конечно, но в целом… Совсем неплохо.

Хаммаку еле заметно дернул уголком рта. Господин Рихети уловил гримасу и спокойно повторил – видно было, что он говорит о вещах, чрезвычайно хорошо ему знакомых.

– Вы будете получать свои проценты, не делая ровным счетом ничего.

Ну, это вряд ли, подумал Хаммаку. Не следует переоценивать умственные способности Аткаля. И недооценивать его мелкую бытовую хитрожопость.

– Хорошо. Я продам вам одного из своих рабов, – медленно проговорил Хаммаку, как бы взвешивая в последний раз все «за» и «против» (на самом деле он все уже решил).

Приказчик вынул из плоского портфельчика бумаги, набросал черновик купчей.

– Завтра перепишу у нотариуса на глиняные таблицы, – сказал он, завершив работу. – Вы не подскажете, где в Сиппаре нотариальная контора?

– Да там же, где гончарная мастерская, – ответил Хаммаку. – На первом этаже горшки лепят и тут же продают из оконца. На втором сидят писцы, а на третьем – нотариус. И компьютерная служба городской информации там же, только в соседней комнате. Очень удобно.

Приказчик еще выше задрал свои густые брови. Больше ничем удивления не выразил.

– А страховка на раба оформлена?

– Разумеется, – уверенно произнес Хаммаку. На самом деле он понятия не имел об этом. Всеми делами покойная мать занималась.

– Вы позволите на нее взглянуть?

– Конечно.

Хаммаку поднялся, прошел в кабинет матери. Долго громыхал в ларе глиняными таблицами. Наконец, откопал несколько документов. Притащил в гостиную, держа в подоле рубахи. Приказчик терпеливо дожидался, сложив пухлые руки на коленях. В большой полутемной комнате казался толстячок потерянным и грустным.

Хаммаку выгрузил таблички ему на колени. Рихети выбрал одну, поднес к глазам, вчитался.

– Да, это страховка, – пробормотал он себе под нос. – Так, что у нас тут… В случае болезни… Увечье от несчастного случая… Смерть, проистекшая от болезни, несчастного случая либо суицида… Условия договора при наличии побега… оговорены отдельно. – Маленький человечек поднял лицо. – Замечательно. Вы чрезвычайно предусмотрительный хозяин, господин Хаммаку.

Хаммаку, сам того не желая, расцвел. А приказчик продолжал:

– Простите, что беспокою, но не имею права обойти еще одну формальность: медицинские справки на раба.

Хаммаку предъявил медицинские справки – без них страховку не оформляли. От стоматолога, от невропатолога, флюорография. Везде «без патологий», разумеется. Сам подивился их обилию: мать-покойница, оказывается, ежегодно гоняла Аткаля по всем врачам.

– Из кожно-венерологического диспансера нет, – сказал приказчик.

– Да не болен он ничем, – проговорил Хаммаку. Очень уж ему не хотелось возвращаться в комнату матери, искать среди табличек справку из КВД. – Он вообще с девками не трахается. Импотент он.

Господин Рихети промолчал. Но с таким видом промолчал, что Хаммаку понял: без справки этой не будет ни ста сиклей, ни шестидесяти сиклей, ни комменды – вообще ничего.

Поплелся. Долго копался. Нашел. Табличка оказалась разбитой.

Господин Рихети поглядел, покачал головой.

– Извините меня, господин Хаммаку, – мягко, но вместе с тем непреклонно произнес он, – но принять от вас документ в таком состоянии я никак не могу.

– А если так?..

Хаммаку полизал края слома, попытался слепить половинки.

Приказчик поднялся, аккуратно сложил таблички в портфельчик, обернув их предварительно чистыми тряпицами.

– С вашего разрешения, завтра я сниму копии и заверю все эти документы. Вечером жду вас в холле отеля «Золотой бык». Кстати, там приличные номера?

Хаммаку, дальше бара этого отеля не ходивший, кивнул.

– Перед второй стражей – вам подойдет? – продолжал приказчик.

Хаммаку снова кивнул.

– Вот и отлично, – сказал господин Рихети. – Вы приносите мне справку из КВД, мы подписываем итоговый договор купли-продажи, и я передаю вам наличные деньги. Если вы не имеете возражений, я хотел бы зарегистрировать сделку не в Сиппаре, а в информационной службе Вавилона.

Хаммаку возражений не имел и был сама любезность.

Едва только закрылась за приказчиком дверь, как Хаммаку заревел на весь дом:

– Атка-а-а-аль!..

Какой еще КВД? Зачем?

Аткаль ничего не понимал.

Хаммаку побагровел, выкатил глаза и рявкнул:

– Кто тебе сказал, что ты должен что-то понимать? Тебе не надо ничего понимать! С чего ты взял, что тебе надо понимать? Тебе надо подчиняться. Слушаться. И больше ничего.

Аткаль свесил голову.

– Да был я там недавно, в этом КВД…

– Недавно? Что ты называешь «недавно»? Еще мать была жива, гоняла тебя, пидора!..

– Да не болен я ничем… – уныло тянул свое Аткаль.

Но Хаммаку раздухарился, ничего не желал слушать.

– В городе бытовой сифилис! А ты шляешься по бардакам, со всякой сволочью тискаешься, ни одной потаскухи в городе не пропустил!..

– Так вместе же и шляемся, – попробовал было огрызнуться Аткаль. – Тогда и проверяться вместе.

– Я-то здоров, – высокомерно сказал Хаммаку.

– Ну так и я здоров, – вякнул Аткаль.

Хаммаку отвернулся, встал.

И потащился Аткаль в КВД на осмотр. Он так ничего и не понял.

Разместить офис в собственном доме показалось Хаммаку несолидным. Не станут люди заключать сделки там, где еще вчера беспечно пьянствовали. Не захотят увидеть в собутыльнике делового человека.

И потому потратил часть средств на то, чтобы снять помещение. За ту ничтожную сумму, которой он мог рискнуть, ему предложили небольшой подвальчик, три ступеньки вниз, недалеко от торговых ворот.

(«Помещение, конечно, неважное, оно и понятно. Зато, как ни погляди, господин, а место безупречное, бойкое. Вы только рекламный щит у входа в тупичок поставьте».)

В течение следующих двух недель совсем загонял Хаммаку Аткаля. Тот носился по городу с накладными, производил закупки по спискам, дважды был бит разгневанным Хаммаку, чего прежде не водилось и потому воспринялось с мучительной обидой.

Впрочем, от первоначального шока Аткаль оправился довольно быстро. И вся эта лихорадочная деятельность даже стала доставлять ему удовольствие. Тем более, что Хаммаку предложил Аткалю возглавить дело. Сказал, на первых порах только помогать будет оформлять сделки, поскольку лучше знает работу с компьютером.

Помня о том, что впереди светит большая пожива, вместе с тем не забывал Аткаль и о малых выгодах нового своего положения «главы фирмы».

Например, приобретая телефоны внутренней связи, исхитрился – взял один подешевле, пользованный. Разницу приберег для себя.

Впрочем, не стоит бумать, будто Аткаль был каким-то ловкачом, только и ждущим случая набить карман за счет своего господина. Вовсе нет.

Наоборот, Аткаль ловил любую возможность растранжирить, размотать, прокутить. Ибо если тело Аткаля было обращено в рабство, то душа его оставалась крылатой. Любви и признания жаждала душа Аткаля. А как заслужишь ее, любовь эту самую, если ни красоты, ни ума, ни иных достоинств? Вот и пытался брать щедростью, покупая добрые чувства людей. Не умел получать даром; потому и платил. Тратил налево и направо, как только подворачивался удобный случай. Поскольку же своих денег не водилось, тратил чужие.

Вот и с разницей за телефонные аппараты так поступил. Едва лишь вышел из магазина, выше головы навьюченный коробками, как приметил на углу знакомого. Как-то раз вместе к одной девчонке цеплялись; через то, можно сказать, породнились.

Опустил Аткаль коробки на мостовую и окликнул знакомца по имени (а звали того Базуза).

Высок ростом, широкоплеч, красив Базуза. Охранником в богатом доме служит. Поговаривают, будто на его счету

несколько десятков покойников. Впрочем, сам Базуза этого не говорил. Но и не отрицал.

– Аткаль! – обрадовался Базуза.

Поболтали немного. И снова взгляд Аткаля обратился к коробкам.

– Купил по случаю, – пояснил он в ответ на вопрос приятеля. – Оргтехника, телефоны, то, се…

– Дело открыть решил? – Базуза прищурился.

– Да подвернулось тут… – небрежно обронил Аткаль. – Мы с Хаммаку в доле.

Базуза позволил себе улыбнуться.

– Как брат тебе Хаммаку, – сказал он.

Аткаль перевел разговор на другую, более интересную тему.

– Дотащить не поможешь? Не рассчитал я что-то, носильщика не нанял.

Базуза расхохотался.

– Халяву любишь, вот и не нанял, – заметил он.

Руки у Базузы как у Аткаля ноги, плечи как оглобля. Почему бы не быть Базузе откровенным?

Аткаль решил быть гордым. Плечом повел, подражая названному брату – Хаммаку так делал.

– За мной не пропадет, – сказал он. – Угощаю.

Вдвоем донесли товар до офиса, после вместе в кабак пошли; там и спустили денежки на пиво да на податливых баб.

Таков был Аткаль.

Не таков был Хаммаку. Если уж брался за что-то, так всерьез. Не поленился в Вавилон съездить, накупить там книг – по большей части были то справочники, сборники нормативных текстов, рекомендации и прочая скукотень.

Из Вавилона вернулся потрясенный, два дня еще на кровати лежал, в потолок глядел, губами двигал. То вспоминал о всех дивах столичных, какие встретились. То убытки подсчитывал. Ужас как все дорого в Вавилоне. А дороже всего тот товар, за которым он, Хаммаку, ездил, – информация.

Аткаль же все время отсутствия Хаммаку беспорочно пьянствовал и о делах не думал вовсе.

На третий день по возвращении встал Хаммаку и потребовал к себе Аткаля. Трезвого и чисто умытого.

Аткаль явился.

Спал часа три, похмельем истерзан жестоко, рожа расцарапана, на скуле синяк. Топорщатся волосы, подросшие после бритья наголо (иначе никак воск не вывести было). Печальный вид имел Аткаль, представший пред очи господина

своего.

Хаммаку только головой покачал.

– Садись за стол, – велел.

Аткаль повиновался. Тупо уставился на книги. Раскрыл одну – сводки, диаграммы. Аж в глазах потемнело. Умоляюще глянул на Хаммаку.

Тот губы искривил.

– Прочти.

И тут в голос взвыл Аткаль.

Но Хаммаку ничем не проймешь: ежели втемяшилось в голову названному брату и хозяину заставить Аткаля прочесть эти книги, значит, судьба Аткалю читать их.

И начал читать Аткаль.

Хаммаку заплатил вступительный взнос и стал пользователем общеимперской информационной сети. Теперь он получил доступ ко многим видам коммерческой информации. По личному коду мог входить в различные конференции, общаться с другими пользователями со всей Империи. Имел возможность заключать контракты, не выходя из своего офиса, за которым, кстати, так и сохранилось прежнее название – «Три ступеньки вниз».

Настоящая работа пошла только в конце зимы, когда сиппарцы, недоверчивые ко всему новому, осознали, наконец, очевидную выгоду сотрудничества с «Тремя ступеньками».

Настало время рассказать о том, в какое дело вложил Хаммаку деньги, полученные от приказчика господина Нидинты. Было оно и доходным, и богоугодным одновременно. Хаммаку продавал индульгенции.

Прежде незамедлительное отпущение грехов гражданин Сиппара мог получить только от Шамаша, обитающего постоянно в сиппарской Эбаббарре.

Если же человек полагал, что дело о его прегрешении находится, скажем, в ведении Наны Урукской, то ему ничего не оставалось, как бросать чад и домочадцев на произвол судьбы и тащиться в Урук, в храм Наны, – замаливать грех, покупать индульгенцию. Домой после такого паломничества возвращались чистенькими. В том смысле, что полностью очищались и от грехов, и от грошей. В кармане дыра, в душе чистота, полмесяца выброшены псу под хвост, проведены в утомительных странствиях по раскисшим дорогам Империи.

И ничего не поделаешь. Ибо сказано: каждый грех в руке своего бога. Драки и прочие насилия, чинимые свободными горожанами друг другу, – дело Нергала. А вот насилие, чинимое

женщине, – это дело Наны. Пустобрехам же на брюхе вымаливать прощение у Нинурты, который ненавидит бесполезную трату времени. И так далее.

Можно, конечно, и у Шамаша, своего, домашнего, прощения попросить, да что толку-то? Все равно, что обидеть Бабуту, а извиниться перед Кибуту.

С появлением в городе бизнеса Хаммаку все изменилось. Едва только согрешив, шел человек в офис «Три ступеньки». Ибо вовсе не следует думать, будто люди сиппарские были злонравны и нравилось им прозябать в холодной липкой глине прегрешений своих. Напротив. Могли бы – избавлялись от них как можно скорее. И если бы не непомерные траты на дорогу, разбрелись бы по всем четырем ветрам, каждый к богу своих преступлений.

Пришел однажды в офис «Три ступеньки» и Базуза. Нужда пригнала.

Спустился, дверь толкнул, огляделся, «здрасьте» сказал. В первой же комнате за столом сидел Аткаль. Глава фирмы.

На столе перед Аткалем два телефона, городской и местный. На полке, за спиной Аткаля, толстые папки с подшитыми документами. Сбоку чахлый плющ приткнулся. По левую руку от Аткаля еще одна дверь, и из-за этой двери слышно, как ревет принтер.

Аткаль в кресле откинулся, на Базузу поглядел. И стал Базуза как-то немного ниже ростом и уже в плечах.

– Садись, – милостиво кивнул ему Аткаль. – В ногах правды нет.

Охранник из богатого дома оглянулся, плюхнулся в кресло.

– Неплохо тут у тебя, – сказал он.

– Не жалуюсь, – согласился Аткаль.

– Занят сейчас?

– Работа.

Базуза понимающе кивнул.

– Ты по делу или как? – спросил Аткаль, всем своим видом показывая, что ему некогда.

– По делу.

Аткаль покивал, взялся за местный телефон. Из-за двери, что была слева, донесся пронзительный звонок. Потом голос Хаммаку:

– Аткаль?

– Клиент. Нужно оформить.

– Хорошо, пусть зайдет.

Голос Хаммаку отчетливо слышался и из телефонной трубки, и из-за двери. Аткаль положил трубку и кивнул Базузе.

– Зайди к моему компаньону, он оформит. Касса тоже там.

Базуза поднялся, прошел во внутреннее помещение офиса. Комната ничем не отличалась от первой, за исключением одного: на столе, кроме телефонов, стоял компьютер.

– Сердечно рад вас видеть, господин Базуза, – приветствовал клиента Хаммаку, устремив на него цепкий взгляд. – Садитесь.

Даже манеры – и те изменились у Хаммаку. Когда это он насобачился? Базуза – незатейливый наемный убийца рядом с этим утонченно-вежливым господином.

Охранник тяжеловесно опустился в кресло напротив стола. Хаммаку немного наклонился вперед.

– Итак, я слушаю вас, господин Базуза.

Базуза откашлялся.

– Собственно… Ну, вчера. Вышибал какого-то идиота… А чего полез? Еще и кулаками сучить вздумал!.. – Базуза вскинул глаза, встретил холодный взор Хаммаку, сник. – В общем, я ему шею сломал.

– Свободный был? – деловито осведомился Хаммаку. Левой рукой привычно выдвинул ящик стола, где хранил чистые бланки индульгенций и приходно-расходные ордера.

– Так… отпущенник.

– В котором часу произошло… несчастье?

– После четвертой стражи.

Хаммаку скользнул пальцем по реестру, заключенному на столе под стеклом. На калькуляторе быстро подсчитал проценты. Включил в общую сумму надбавку за оскорбление, нанесенное бывшему хозяину бывшего раба. Вычел незначительный процент за ночное время, когда было совершено убийство. Ночные грехи шли дешевле, нежели дневные, ибо днем силы тьмы спят. Днем не так властно над человеком зло, как ночью.

– Восемь сиклей, – подытожил Хаммаку.

Базуза порылся в карманах, вытащил деньги. Хаммаку аккуратно пересчитал их, сложил на краю стола, переехал в кресле к компьютеру.

Запросил связь с храмом Эмешлам, обиталищем Нергала. Вышел на общую конференцию храма. Отметил мысленно: как много насилия творится в Империи! За те два дня, что Хаммаку не обращался к конференции Нергала, количество записей увеличилось на 877. И все сплошь убийства. В поле «общая сумма» значились цифры от 6 сиклей (убийство раба ночью) до 16 сиклей (убийство благороднорожденного днем).

Впечатал новые данные в общую базу: имя клиента, его социальный статус, место жительства, род прегрешения, смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства, общее количество индульгенций, сумма последнего взноса.

Вывел данные на печать.

Подумав и помигав, принтер ожил, взревел, порычал минуты три и успокоился, затих. Листок выпал на пол. Хаммаку, выказывая изрядную канцелярскую сноровку, шлепнул на листок печать, поставил регистрационный номер, внес его в гроссбух, заставил Базузу расписаться в получении.

– Подпись на индульгенцию поставит глава фирмы.

– Кто?

– Аткаль.

Хоть и значился Аткаль «главой фирмы», а называть его «господин Аткаль» все равно язык не поворачивался.

Базуза взял листок, поглядел недоверчиво.

– И это все?

– Да, это все. Живите с чистой совестью, господин Базуза.

Базуза повертел «чистую совесть» и так, и эдак. Наконец вымолвил:

– В храмах-то таблички глиняные выдают.

– Не вижу разницы. Индульгенция есть индульгенция, – веско произнес Хаммаку. – Но если для вас принципиально… Данный вид сервиса также предусмотрен в числе услуг, оказываемых нашей фирмой.

– Так можно и на глине? – Базуза расцвел.

– Разумеется. За дополнительную плату, конечно.

Тут Базуза насторожился.

– И почем?

– Еще три сикля. – Увидев выражение лица своего собеседника, Хаммаку пожал плечами. – Но это вовсе не обязательно, поверьте. В вашем случае, довольно банальном, вполне достаточно просто заверенной бумаги.

Базуза махнул рукой, сложил листок вчетверо, сунул в карман.

– Везде деньги дерут, – сказал он мрачно. – Бэл-пахату оштрафовал… Наниматель из жалованья вычел три дня – наказал, стало быть, за излишнее рвение… И здесь тоже…

– Чистая совесть недешево стоит, – заметил Хаммаку. – Всего вам самого доброго, господин Базуза.

И охранник ушел, все еще недоумевая: действительно ли очищен он теперь от грехов или же его попросту ловко надули? Так ни к какому выводу и не пришел. В конце концов, утешился: в случае чего переломает Хаммаку с Аткалем все кости.

Смятение Базузы возросло бы многократно, если бы знал он, что Хаммаку и сам не вполне понимает, чем занимается.

Большую часть времени Хаммаку совершенно искренне полагал, что открыл вполне солидное дело. И что польза от его

бизнеса неоспорима – как для него самого, так и для граждан Сиппара.

Однако выдавались часы, когда для Хаммаку открывалась во всей своей неприглядной наготе другая истина: на плаву он держится исключительно благодаря дутой значимости аксессуаров. Общеимперская конференция пользователей храмовой сети… Информационный банк… Доступ к базам данных, личный код…

Кого, например, касается, что в Уруке отпущенник Хашта изнасиловал свою бывшую госпожу Исхуннатум (15 сиклей, храм Наны)? Но нет. Одно дело поговорить об этой истории за кружкой светлого пива. Совсем другое – увидеть запись в базе данных храма Эанны. И вот уже банальный секс за открытыми дверьми (ибо госпожа Исхуннатум не постеснялась завопить на весь Урук) превращается в исполненное значимости событие, которому, быть может, не хватает осязаемости, зато вдосталь информативности.

Вовсе не будучи дураком, Хаммаку превосходно отдавал себе отчет в том, что занимается сущей ерундой. И поскольку осознавать это было страшно, гнал подобные мысли, насколько доставало сил. Изучал богословскую литературу, заучивал священные тексты различных божеств. А когда становилось совсем уж невмоготу, напивался. Но не так, как когда-то, в блаженной юности, а целенаправленно, уныло, с оттенком безнадежности.

Скандал разразился 24 аддару (17 марта) 37-го года, вскоре после того, как Аткалю исполнилось 28 лет. Впрочем, день рождения раба – не бог весть какое событие и отмечался далеко не с такой пышностью, как день рождения Хаммаку. Тем не менее, целую неделю Аткаль на законных основаниях был пьян, и дела офиса «Три ступеньки» в шли довольно вяло.

Из сладостно-расслабленного состояния Аткаль был вырван внезапно и жестоко.

Виновницей его несчастья стала Нана Урукская.

Можно предположить, что сама Нана ничего против него не имела. С женщинами всегда был ласков Аткаль. Иная, правда, заскучает с ним, но тут уж все от дамы зависит: если у самой фантазии в избытке, то и не скучно ей с Аткалем; ну а если боги обделили, тогда уж извините: двоим убогим все равно ничего умного не породить.

Но настолько незлобив был Аткаль, что никогда не сердился. Ни на тех женщин, что были совершенными дурочками. Ни на тех, которые оказывались умнее его (а такое случалось сплошь и рядом). Умел он радоваться и глупости женской, и

изобретательности, и капризам со взбрыками.

Но если Нана Урукская и была благосклонна к Аткалю, то не скажешь того же о других богах.

И ведь именно Аткаль первым услышал о том, что стало причиной всех последующих бед. Услышал – и даже не догадался, чем грозит новость.

– Хаммаку! – закричал он, врываясь в офис.

Хаммаку оторвался от компьютера (в последнее время пользователи храмовой сети начали обмениваться не только деловой информацией, но и анекдотами), поднял воспаленные глаза.

– Что блажишь?

– Так… это…

Аткаль захихикал, предвкушая.

Хаммаку вышел из конференции. Не хотел терять авторитета, пусть даже в глазах такого ничтожества, как Аткаль. Впрочем, Аткалю и в голову не приходило заглянуть на экран. Хозяину виднее, чем заниматься, так он считал.

– Случилось что? – лениво спросил Хаммаку.

Аткаль усердно закивал.

– Помнишь, некогда из Урука был похищен истукан Наны…

Хаммаку не помнил. До исторического обзора храмов Вавилонии руки не дошли. Больно уж устрашающе толстым выглядел том. И с практической точки зрения бесполезен. Взял на всякий случай, по дешевке. А вот Аткаль, страшась наказания от господина своего, тщательно проштудировал эту книгу, как и остальные.

– Ну, – высокомерно сказал Хаммаку. – Когда это было-то?

– При царе Горохе, – охотно пояснил Аткаль.

– Продолжай, – велел Хаммаку.

– Грязнобородые эламиты напали на Урук, учинив там разгром и поругание, – начал рассказывать Аткаль. – Тогда же была взяла ими в плен богиня Нана. Ее увезли к себе в Элам, где и посадили в специально построенном храме посреди Аншана. А в Уруке, отчаявшись освободить истукан, спустя несколько лет сделали новый.

– Ну так и что? – спросил Хаммаку.

– А то, что нашлась старая Нана! – Аткаль приплясывал от возбуждения. – Ордынцы откопали.

Ордынцы, положим, Нану не откапывали. Не таков этот народ, чтобы откапывать что-то, будь то хоть сама Нана Урукская.

Было же так.

Скоро уж тридцать семь лет, как завоеванная Вавилония исправно платила им дань. Чтобы не скучать, двинулись ордынцы

дальше на юго-восток. И вот уже расстилается перед ними Элам.

Пошли по Эламу. Какой город поумнее, тот встречал их хлебом-солью. Какой поглупее, закрывал ворота. Открывали ордынцы ворота, как умели: была у них с собой небольшая ракетная установка. Обслуживали установку пленные вавилоняне; сами ордынцы рук о технику не марали. Нечистым было, по вере их, умное железо. И компьютерами по той же причине не пользовались. Потому, кстати, оставались совершеннейшими варварами.

Так нечестивым, но вполне надежным способом открыли они ворота пограничного Аншана, нашли там множество богатств, которыми пополнили достояние свое. Разграбили и храм, вытащив оттуда все, что блестит.

И вот один из них отдернул занавеси и на лошади въехал в святая святых. И воскликнул в удивлении:

– Баба!

Действительно, стояла там баба, обличьем сходная с теми, что разбросаны в бескрайних степях далеко к северу от Аншана.

Заинтересовались ордынцы. Загалдели, спешились. Бабу и щупали, и гладили – по плечам, по щекам. Была она деревянная, не золотая, и потому, видать, решили ордынцы не брать ее с собой, оставить жителям Вавилонии. Но кому передать истукана? В Аншане жителей было теперь так мало, что о них не стоило и говорить.

Стали по храму шарить, жрецов искать. Ни одного не нашли. Главный лежал с перерезанным горлом у золотого алтаря. Чем защищаться пытался, кинжальчиком с женский мизинец? Совсем глупые эти крестьяне. Лежи теперь, старик.

Поискали и в других местах. Никого не оставили в живых из жреческой касты храбрые воины Орды.

Наконец отыскали одного, из самых младших служек. Трясся от страха, путался в длинных своих одеждах. Не стали воины его успокаивать – пусть боится. Схватили за длинные волосы, потащили к сотнику.

Тот ждал, плеткой по сапогу похлопывал.

– Что за баба? – спросил. И на истукан плеткой своей махнул.

Служка от ужаса на пол повалился.

– Это Нана, – вымолвил с трудом. И рассказал, как много лет назад взяли ее в плен храбрые эламитские воины, привезли с почетом в Аншан, построили ради нее храм и пригласили жить с ними.

– Неужто и вы когда-то воинами были? – спросил сотник. Не поверил.

Но насчет богини сомнений у него не возникло.

– Несчастная, – сказал он, обращаясь к истукану, – у таких трусов жила. Взять бы тебя в Орду. Но лучше будет возвратить тебя туда, откуда ты была похищена, как невеста недостойным женихом.

Решение сотниково в Орде одобрили. Негоже богу жить у чужих людей.

И возвратился старый истукан Наны в Урук.

Там сперва не поверили. Но как тут не поверишь, когда на спине истукана яснее ясного:

«Я – Горох, Царь Множеств, Царь Великий, Царь Могучий, Царь Вавилона, Царь Шумера, Царь Четырех Стран Света, любимый Бэлом, Мардуком, Набу, Наной, владычество мое приятно для сердечной радости их. Я воздвиг истукана сего…» и т. д.

Ревниво встретила старую Нану новая, процветшая в Уруке за столетия эламского пленения. Да и какая она «новая»? Больше тысячи лет истукану городского храма Эанна.

И все же как сравнишь два идола, так сразу видно, который из них древнее. Новая-то Нана ликом прекрасна, телом стройна, благолепна. Так и тянет склониться перед ней, прильнуть губами к изящным ступням ее. А старая Нана ликом безобразна, чертами груба; груди, как бурдюки, свисают на живот; в животе младенец пухнет. Страх, не любовь вызывает.

Судили-рядили в Уруке, и так и эдак поворачивали. Но тут сколько прикидывай, а выбор небогат: между веревкой и удавкой. Не признать старую Нану – смертно оскорбить ордынцев. В кои-то веки проявили они уважение к обычаям вавилонским. Неизвестно, чем это может закончиться. Судьба Аррапхи у всех еще на памяти была.

А признать…

– Словом, поерзали в Эанне, подергались и водрузили старую Нану в центре храма, – захлебывался Аткаль, – а новую, ну, ту, что там уже тысячу лет стояла, переместили в боковую часовню. Скандалу! На весь Урук крик стоял…

Хаммаку побледнел.

А Аткаль еще ничего не понял, продолжал языком молоть, довольный тем, что слушают его внимательно, не перебивая.

– Идол-то, которому столько лет поклонялись во всей Империи, оказывается, фальшивый. И не Нана это вовсе. У главного жреца Эанны, небось, понос от ужаса…

– А тебя еще не пробрало? – тихо спросил Хаммаку.

Аткаль оборвал речи, удивленно уставился на господина своего.

– А я-то тут при чем?

Хаммаку надвинулся на него всем своим плотным телом и зарычал, как зверь. Аткаль глазами захлопал, губы распустил.

– Ты чего, Хаммаку?

– Ты, значит, не при чем? – спросил Хаммаку на человеческом наречии. Но облик звериный сохранял, скалился. – А индульгенции из храма Эанны продавал? От чьего имени грехи отпускал?

– Наны… – Ничего еще не понял Аткаль.

– НОВОЙ НАНЫ, – рявкнул Хаммаку, теряя терпение. Послали же боги болвана в напарники!

– Так ведь храм… Ведь Эанна…

– Повязан ты с храмом, – рычал Хаммаку. – Одной веревкой. На которой тебя, болвана, повесят.

Аткаль отшатнулся.

– Да за что?

– За то! – Голос Хаммаку сорвался, и он провизжал: – За то, что индульгенции твои ни гроша не стоят! Идол-то фальшивый…

Теперь и Аткаль белее мела стал.

Замолчали оба. На потемневшем экране компьютера прыгали звездочки и точечки.

Потом Аткаль поднялся.

– Закрою-ка я двери на засов, – сказал он.

Мудрое решение. Воистину, страх лучший учитель. Задышали в затылок крупные неприятности. Тут уж поневоле и отпетый дурак умным станет.

Какое там – «задышали»! Стучаться начали. Кулаком в дверь молотить.

– Открывай! Аткаль! Мы знаем, что ты здесь!

– Пусть вернет наши денежки!

– Обманщик!

– Лучше открой, а то дверь выломаем!

– Фальшивый идол-то!

– Индульгенции храма Эанны ничего не стоят!

– Пусть деньги вернет! Пусть вернет наши деньги!

Так вопили на разные голоса крупные неприятности.

Аткаль шепотом спросил у Хаммаку:

– Что делать-то?

– Главное – денег не отдавать, – ответил мудрый Хаммаку.

Бледны оба были; но Аткаль бледнее. Даже губы посинели.

– Почему они мое имя выкликают? Почему на меня одного ополчились, Хаммаку?

– Потому что ты индульгенции подписывал.

– А… а ты?

– А я только регистрировал и деньги получал. Кто начальник-

то? Ты!

На дверь налегли. В крепкой древесине что-то треснуло. Толпа взвыла от радости.

Аткаль заметался.

Вскочил. Снова сел. Бросил взгляд под стол.

При виде трусости аткалевой приободрился Хаммаку. А Аткаль подскочил к нему, вцепился в рукав, в глаза поглядел собачьим взором.

– Не выдавай меня, Хаммаку!

Отцепил аккуратно от себя пальцы аткалевы Хаммаку. Взял за руку. В глаза поглядел.

– Сам посуди, Аткаль. Индульгенции продавал ты. Через чьи руки все документы проходили? Через твои. Это же твоя фирма. Я – только младший компаньон.

И вспомнил Аткаль, как гордился своим новым доходным бизнесом. Тем, что господин Хаммаку у него, у дурачка, об асфальт стукнутого, на паях работает. Что именно он, Аткаль, ставит свою подпись на ценные бумаги.

По дружкам ходил, хвалился напропалую. Как бы случайно из карманов индульгенции мятые доставал, расправлял на колене («столько дел, столько дел, и не управишься за день»). Бормотал себе под нос так, чтобы и другие могли слышать: «Сколько бумаг пришло из Эмешлама! Шамаш великий, Судья Неподкупный!.. Как много преступлений творится в Империи!..» И висли на нем девицы, просили рассказать «случаи». Аткаль охотно рассказывал…

Застонал Аткаль, обхватил руками глупую свою голову.

– Хаммаку!.. Ведь ты мне поможешь?..

Хаммаку еле заметно покачал головой. И на губах его полных показалась легкая улыбка.

Страшной была та улыбка для Аткаля в его отчаянии. Заострилось лицо у несчастного раба, будто уже умер он. Скулы, подбородок – все выступило вперед. Глаза ввалились. Уже не собачий – крысиный взгляд сверлит Хаммаку.

А с того как с гуся вода. Придумал что-то. Хитрость какая-то на уме у него. И на этот раз не взял Хаммаку его, Аткаля, в долю.

Минуло твое время, Аткаль. Взвесили тебя на весах, определили тебе цену – не слишком высокую, по всему видать, – и за нее продали.

– Аткаль! Открой! Хуже будет!

Не будет хуже. Хуже, чем теперь, не может быть Аткалю.

Какое одиночество охватило Аткаля! Как заломило, заныло в груди!

Дверь подалась и рухнула. Толпа хлынула в контору.

Оттолкнул от себя Хаммаку раба своего, бросил на руки толпы.

«Его хватайте, его!»

Как было?

Взбрело однажды Нане отправиться в подземное царство к своей сестре. А с сестрой этой, по целому ряду причин, не ладила Нана.

Напрасно пытались остановить Нану. Друзья предупреждали – шла. Враги и те предупреждали. Все равно шла. Упрямая баба, сладу нет.

Семь ворот у подземного царства; и у каждых ворот брали с Наны дань. А какую дань можно взять с красивой женщины?

Пра-авильно. Раздевали Нану. У первых ворот сняли покрывало, у вторых – сандалии и так далее, покуда не осталась владычица Эанны голенькая.

Такой и предстала перед сестрицей.

Та на троне сидит, бабища жуткая, изо рта клык торчит, на веке бородавка.

– Зачем пожаловала?

Нана смиренницей прикинулась.

– Так… поздороваться. Не чужие ведь…

А сама по сторонам глазищами так и зыркает. Во дворце подземном кругом корунды, яхонты и прочие каменья горят. В котлах золото кипит, через край переливается. Из потолка живые руки растут, ногти золотой краской выкрашены; пальцы эти серебряные цепи держат; на тех цепях светильники качаются, в светильниках благовонное масло горит.

Сестра хмыкнула, не поверила словам Наны.

– Правду говори! – повелела она.

Нана круглыми плечами пожала, черные волосы на спину откинула, как-то особенно соблазнительно изогнула стан.

– Захотелось, вот и все.

Капризные губы у Наны. Слишком красива Нана. Разозлилась сестра ее подземная, когда красоту это вблизи увидела, да еще голой.

– Давно хочу извести тебя, Нана, – молвила она скрипучим голосом. – На этот раз убью. Ибо власти твоей здесь, под землей, нет. Моя здесь власть.

Оглянулась Нана. Увидела страшные демонские рожи, дьяволов всяких и прочую нечисть, лучше не поминать к ночи. А что еще думала она увидеть в подземном царстве?

– Может, не стоит? – нерешительно спросила она и босыми ногами переступила. Пол во дворце подземной властительницы склизкий, холодный, противно вот так, босиком-то стоять.

Сестрица нанина – хохотать. Бусы на груди подскакивают от хохота, диадема в волосах трясется.

– Стоит! Стоит!

И придворные ее, лизоблюды и подхалимы, подхватили на разные голоса:

– Стоит! Стоит!

Громче всех один надрывался. Нана ему на ногу наступила, какое там – только шире пасть разевает.

С досады топнула Нана ногой. Тугие груди Наны подпрыгнули. И молоко, которое всегда наготове у Наны, брызнуло из сосков на голый смуглый живот.

Подземная владычица поднялась во весь рост – а росту была немалого. Волосы взметнулись, как живые. Глаза засверкали.

– Взять ее! – приказала она демонам.

Протянулись к прекрасной Нане скрюченные пальцы. Отшатнулась Нана. Страшно ей стало.

– Ты, это… сестра… – пролепетала она. Поняла, видать, что перебрала в своих капризах. – Погоди меня хватать-то. Может быть, кто-нибудь получше подвернется.

Подземная богиня прикидывать стала: что еще задумала Нана? Какая каша варится в прелестной ее вздорной головке? Двум мыслям тесно в голове у Наны; стало быть, одна мысль там засела. Узнать бы еще, какая.

А никакой мысли у Наны не было. Просто еще пожить ей захотелось. И пошла Нана прочь из подземного царства, а демоны следом шли, на пятки наступали. Кого ни встретят, спрашивают:

– Этого, что ли, вместо тебя взять?

Нана головой мотала: нет, не этого.

Время тянула.

А демоны все нетерпеливее за волосы ее дергают: «Может, вон тот вместо тебя пойдет?»

И увидела Нана на склоне холма жениха своего. Спит себе безмятежным сном и пузыри пускает. Рядом костер прогоревший, кости козленка горкой сложены, чисто обглоданы. Собака сытая рядом сопит, одно ухо опущено, другое поднято: в полусне караулит, стало быть. Красива Нана, а жених еще красивее. Лицо юное, здоровьем пышет, румянец во всю щеку, ресницы как у ребенка. А что ему? Поел, попил, с Наной на шелковой траве повалялся – и спать.

До чего обидно стало Нане! Пока она в подземном царстве смертельной опасности подвергалась, он, оказывается, обжирался да спал!..

И указала Нана пальцем на жениха своего спящего:

– Его хватайте, его!..

Проснулся парень, да уж поздно было. Крепко ухватили его демоны, оторвали от земли, потащили прочь от Наны, с шелковистых зеленых холмов, от сытного житья-бытья, от козьего бочка, от парного молока…

И осталась Нана на склоне холма одна-одинешенька. Рухнула наземь возле остывшего костра и тяжко зарыдала. Через собственное своеволие пострадала баба.

А потом люди храм ей построили, истукана вырезали и поклоняться начали.

Ну уж Хаммаку святым не стать, это точно. Намяли сиппарцы бока им с Аткалем, не разбирая. И все-таки Хаммаку досталось не так крепко. Мужчина он был увесистый, при случае мог и сдачи дать. А главное – убежден был в собственной невиновности и потому отбивался с умом.

Аткаль же от ужаса последнего ума лишился. Голову руками прикрывал да верещал обреченно. Всякий норовил дать ему тычка, за волосы ухватить, по заднице отпинать. Кусался, царапался, лягался Аткаль. Отчаяние застилало ему глаза. Ничего не видел он вокруг себя. Только то и понимал: отступился от него Хаммаку, предал, бросил погибать.

И вдруг злые руки выпустили Аткаля. Расступились люди, дали ему дышать.

Остался Аткаль лежать на полу своего офиса. Лицо разбито в кашу, губы расплылись, изо рта кровь и слюна текут. И нет во всем теле косточки, которая бы не болела. Даже головы не поднял Аткаль, не полюбопытствовал – что его спасло? Так и лежал, уставившись в низкий беленый потолок. И не мигал. Как мертвый.

А по стенам офиса и в проеме дверей стояли городские стражники. У всех дубинки, а у тех, что возле двери, – автоматы.

Теперь и толпу охватило оцепенение. По одному стали выходить люди из офиса. Первый из них зачем-то заложил руки за голову – видимо, чтобы покорность властям продемонстрировать, потому что никто этого не требовал. За ним и остальные стали делать то же самое.

Наконец в комнате остались только Аткаль и Хаммаку. Аткаль все лежал. Хаммаку стоял. Потом Хаммаку надоело стоять, и он сел. Его тут же ткнули дубинкой, велели встать. И сообщили: «Вы арестованы».

По факту жалоб, поступивших со стороны возмущенных граждан Сиппара, возбуждено уголовное дело против Аткаля, сына Арраби, возглавлявшего фирму «Три ступеньки», которая

действовала в Сиппаре с 25 арахсамну 36 года по 2 нисану 37 года Великого Кровопролития. Упомянутая фирма специализировалась на продаже индульгенций и входила в состав общеимперской храмовой сети, преступной группировки, которая орудовала на территории Империи на протяжении девятисот лет. Искусно скрывая фальшивое происхождение истукана Наны в храме Эанна (г. Урук), коррумпированные дельцы от религии спекулировали на чувствах верующих граждан, сбывая им негодные индульгенции.

Фирма «Три ступеньки» как часть этой паучьей сети в полной мере несет ответственность за свои деяния.

Негодованию общественности нет предела. Доколе будет продолжаться произвол храмовых чиновников?

Мы будем продолжать знакомить вас, уважаемые читатели, с развитием событий по разоблачению преступной деятельности Аткаля, сына Арраби, печально известного в нашем городе торгаша чувствами верующих.

– Назовите судье ваше имя, обвиняемый.

– Аткаль, сын Арраби, – пролепетал Аткаль, завороженно глядя в рот секретарю суда.

Судья постукивал карандашом по полированному столу. Вид у судьи был недовольный.

Протоколистка склонилась над клавиатурой маленького компьютера (цена машине была 120 сиклей, ровно в два раза больше, чем стоил на рынке Аткаль). Записала ответ.

Предоставили слово обвинителю.

– Признаете ли вы, что возглавляли фирму по продаже индульгенций, которая была известна в городе как «Три ступеньки вниз»?

– Возглавлял?.. – переспросил Аткаль глупо.

Секретарь обернулся к переполненному залу. Глянул в бумаги, разложенные перед ним на столе. Вызвал:

– Свидетель Базуза!

Охранник из богатого дома не спеша выбрался из гущи скамей, заполненных зрителями. С готовностью подтвердил: да, возглавлял. На всех углах кричал про то, что стал теперь бизнесменом.

Аткаль перевел немигающий взгляд на Базузу. В голове у него мутно ворочалось воспоминание о том, как угощал этого плечистого великана светлым пивом. Правда, на деньги Хаммаку, но ведь угощал. А мог пропить их один, сам.

Базузу это воспоминание, похоже, не посещало. Высказал все, что было на сердце. А на сердце у Базузы было одно только

сожаление о зря потраченных восемнадцати сиклях немаркированного серебра. И не вернуть теперь денежки-то. Вот и все, что терзало охранника.

Вызвали и других свидетелей, и все подтвердили показания первого. Слово в слово. Да и не могло быть иначе; ведь правду они говорили, и было это известно Аткалю не хуже, чем любому из присутствующих. Да, продавал. Да, подписывал. Да, от имени Эанны – главы преступного заговора.

Пусто, как в бочке, было в животе у Аткаля. И поползла тоска эта смертная от живота к груди; оттуда протянула жадную лапу к горлу, и сдавило у Аткаля горло. Закричал Аткаль утробным от страдания голосом, перебивая размеренную процедуру дачи свидетельских показаний:

– Так не знал же я!..

Тотчас же стражники, караулившие по бокам, обрушили на него удары дубинок. Один по почкам хлестнул, и замычал Аткаль от боли. Второй по голове огрел, и совсем дурачком Аткаль сделался.

Пока подсудимый корчился на полу у своей скамьи, встал защитник и сказал:

– Прошу обратить внимание почтеннейшего суда на одно немаловажное обстоятельство. Будучи ввергнут в рабское состояние в возрасте двух лет от роду, мой подзащитный пребывает в нем до сего дня. Следовательно, спрос должен быть вовсе не с него, а с его хозяина. Ибо повиноваться хозяину – первейший долг раба.

– Первейший долг состоит в том, чтобы честно вести бизнес, – возразил обвинитель.

– Протестую! – гневно сказал защитник.

Судья звучно постучал карандашом по столу.

– Господа! – вымолвил он укоризненным тоном.

Защитник долго еще говорил. Утверждал, что Аткаль, несмотря на очевидность своей вины, вовсе не так виноват, как этого хотелось бы некоторым уважаемым коллегам. Ибо какой с раба спрос, даже если он, по недомыслию или подчиняясь приказам, и ставил везде свои подписи?

Как ни крути, а прав был защитник. Конечно, участвуя в храмовом заговоре, Аткаль покушался на основы государственности. Но куда больше подрывает упомянутые основы идея судить раба, не тронув господина.

Кроме того, кто мешает, переложив основную тяжесть обвинения на плечи господина, казнить вместе с ним и раба?

На второй день вызвали Хаммаку. Ему было предъявлено

такое же обвинение, что и Аткалю. Кроме того, имелось отягчающее вину обстоятельство: он втянул в свои махинации «говорящее орудие».

Хаммаку, не теряя достоинства и самоуверенности, отбрехивался, как умел. Что, у Аткаля своей головы нет? Он, Хаммаку, только предложил… Даже не предложил, а просто рассказал: так мол и так, есть такая возможность… Ведь как братья они с Аткалем, мало ли, что между братьями говорится. Не все же принимать всерьез.

Аткаль сидел подавленный, на Хаммаку не смотрел и речей его не слушал. Нет у него больше брата названного. Никто не заступится за Аткаля, никто не защитит. И с покорностью подчинился судьбе Аткаль. Даже удивления не испытывал, слушая, как валит на него всю вину Хаммаку.

Просто сидел, съежившись, между двух охранников, – за несколько дней исхудавший, с разбитым лицом, на волосах засохла кровь – так и не смыл.

Ждал, пока все кончится.

А все не кончалось и не кончалось. Хаммаку говорил и говорил. Звучный голос у него, красивый, приятно слушать.

– …Кроме того, если уж вы решили считать Аткаля бессловесной скотиной и спрашивать не с него, а с того, кто им владеет, то могу предоставить уважаемому суду бумаги, из которых явствует, что отнюдь не я являюсь счастливым обладателем данного раба.

Аткаль сперва не понял. Как – не Хаммаку? Сызмальства привык он знать над собой руку молодого хозяина. Кто же тогда его господин, если на Хаммаку?

Да что Аткаль – никто поначалу не понял.

А Хаммаку, наслаждаясь произведенным эффектом, предложил послать к нему домой за документами. Разрешение было дано. Суд удалился на перерыв.

Аткаль попросил воды, в чем ему было почему-то отказано. И опять он не удивился. Облизал треснувшие губы и снова уставился в пустое пространство.

Документы были принесены и предоставлены суду. Из них явствовало, что Аткаль действительно был продан уважаемому гражданину Вавилона банкиру Нидинте через посредство приказчика Рихети за сумму в шестьдесят сиклей.

К тому же Хаммаку и сам был обманут. Вот индульгенция, проданная ему Аткалем от лица фальшивой Наны. Восемь сиклей! Восемь сиклей, господа!

И стал Хаммаку из обвиняемого как бы потерпевшим.

Из Вавилона вызван был господин Рихети. Прибыл с опозданием почти на неделю. Отговаривался распутицей, множеством дел в столице и отказом хозяина дать ему отпуск за свой счет. Разумеется, все эти отговорки в расчет приняты не были, и господин Рихети, едва сойдя с телеги, был немедленно оштрафован – за неуважение к суду.

Второпях накормили его в тюремной столовой и потащили в зал заседаний. Там уже стены ломились, столько желающих было послушать. Шли, как народные кумиры, сквозь толпу, по узкому коридору, прорубленному в море людском полицейскими дубинками. Дивился господин Рихети, ежился, щурился.

Не дав отдышаться, сразу начали терзать вопросами.

– Вы узнаете этого человека?

Аткаля вообще трудно было узнать. Меняет человека унижение.

Рихети – тот Аткаля вообще в глаза не видывал. Документы-то оформлял заглазно, поверив слову Хаммаку.

И потому с чистой совестью сказал господин Рихети, что человека этого видит первый раз в жизни.

Шум в зале, свистки, топот. Секретарь суда нетерпеливо дернул колокольчиком.

– Тише, граждане! Тише!

Затем – снова к Рихети:

– Итак, вы утверждаете, что не видели никогда этого человека?

– Разумеется.

– А вот господин Хаммаку показывает обратное. Он показывает, что продал вам этого человека за сумму в шестьдесят сиклей.

– Я действительно заключал договоры купли-продажи с господином Хаммаку, – охотно признал Рихети. – Но они не имели никакого отношения к сбыту фальшивых индульгенций.

Судья хищно шевельнул ноздрями.

– Так, так. В таком случае, не расскажете ли вы суду, какого рода деловые отношения связывали вас с присутствующим здесь господином Хаммаку?

Рихети нашел глазами Хаммаку среди зрителей.

– Я занимался скупкой рабов по поручению господина Нидинты, уважаемого в Вавилоне банкира. В разных городах я покупал десятки рабов, и все они приносили потом доход. По сделке с господином Хаммаку у меня нет никаких претензий.

Хаммаку привстал со своего места и слегка поклонился.

– Совершенно никаких, – продолжал Рихети. – Первый взнос по ссуде, данной под бизнес раба, купленного у господина

Хаммаку, был выплачен аккуратно и в срок. Я полагал, что и впредь…

– Вы имели представление о том, каким именно бизнесом занимается этот раб? – перебил его обвинитель.

– Нет.

– Почему, позвольте узнать?

Рихети близоруко прищурился.

– В этом не было необходимости. Для фирмы главное – получать стабильный доход.

– Вот к чему приводит равнодушие, – патетически сказал обвинитель и указал в сторону господина Рихети.

Тот вдруг забеспокоился. Ему показалось, что так просто его теперь не отпустят. Будь проклят Сиппар – всякий раз поездка в этот город сопровождается ограблением.

И впервые в жизни маленький приказчик струсил настолько, что решил отступиться от своего хозяина.

– Может быть, целесообразнее будет призвать к ответственности фактического владельца этого раба? – спросил он. – Я ведь только посредник.

И в Вавилон отправили несколько полицейских, снабдив их строжайшим предписанием: забрать и доставить в Сиппар банкира Нидинту.

Аткаль спал на досках в душной камере. Ел жидкую похлебку, иногда пустую, иногда с рыбьими костями и плавниками. Таскался на допросы; часами отсиживал в переполненном зале, клевал носом. Один раз заснул и уронил голову на ограждение; ударился, нос разбил; пошла кровь. От этого проснулся, кровь обтер, похлюпал носом. И снова задремал. Вечером опять жевал тюремную дрянь, а после спать заваливался.

Вот и вся его жизнь теперь.

Доставили и допросили господина Нидинту. Сожаления достойно, что такой почтенный господин, известный во всей Империи банкир, оказался орудием в руках ловких мошенников. Но сами понимаете, закон есть закон. А по закону, за проступок раба отвечает хозяин.

Так что, уважаемый господин Нидинта, еще раз просим извинить нас, но закон требует… и т. д.

Постепенно зал заседаний пустел. Наскучила гражданам сиппарским эта комедия. К тому же, они уже поняли, что как бы ни повернулось расследование, денег своих им не видать. Ничего нового уже не выяснялось. Пережевывались бесконечные детали:

когда продал, кому продал, сколько получил, сколько отправил в Вавилон Нидинте. Кто за кого отвечает, кто за кого не отвечает. Чей проступок тяжелее: банкира – хозяина, приказчика – посредника, молодого господина – предателя или раба – болвана полного?

Сходились на том, что тяжелее всех провинился раб. Но и остальные подлежали наказанию. Особенно же банкир и прежде всего потому, что богат.

Так судили да рядили, а время шло.

И вот, чтобы судьи не вообразили себя выше всех в земле вавилонской, прибыл в Сиппар десятник из Орды за данью. С ним еще пятеро – больше для почета, чем для устрашения. Для устрашения Орда за их спиной стояла, и знали гонцы: обидят их в Сиппаре – не будет больше Сиппара.

В полдень раскрылись двери зала заседаний. Одна створка, другая. Хлынуло весеннее солнце в зал, ворвался туда ветер, взъерошил бумаги на столе.

И въехал в зал заседаний молодой десятник. Полюбопытствовать по варварскому обыкновению на диковинные для него обычаи оседлых людей.

С лошади не слезал, так и процокал по проходу между скамьями. Лошадка – скотина умная, сообразила, что хозяин ее этих крестьян презирает, и сама туда же – одного мазнула хвостом по лицу, другого…

Как завороженный, смотрел на него Аткаль из-за загородки. И стражи аткалевы тоже уставились на пришельца, рты пораскрывали. Никогда прежде не совались ордынцы во внутренние дела города. Нового, что ли, за данью прислали?

Невысок ростом, худощав и строен был ордынец. В седле смотрелся ладно, а кривоног ли – того не разглядишь, покуда верхом. Лохматая шапка из лисьих хвостов покрывала его голову, нахлобученная по самые брови, так что казался он огненно-рыжим, как балаганный фигляр.

Но лицо из-под этой фиглярской шевелюры глядело совсем не ярмарочное. Круглое, как луна, с пухлыми, почти девичьими губами. Узкие глаза почти полностью теряются под тяжелыми веками.

Покрутился на своей лошадке, подобрался поближе к председательскому столу. Судья, обвинитель, защитник, секретарь – все как по команде встали. Зачем шутить с человеком, у которого такая сабля на боку?

А лошадка подумала-подумала да и навалила прямо на клавиатуру компьютера, где машинистка протокол записывала.

Ордынец как не заметил. Губы раздвинул, сверкнул улыбкой.

– Это что тут у вас?

– Это, изволите ли видеть, господин, суд.

Черные брови поползли под рыжую шапку.

– А кого судите?

– Вот, изволите ли видеть, нескольких человек. Обманом деньги вымогали у честных граждан.

– Обманом? Нехорошо, – сказал ордынец. И засмеялся.

А секретарь заторопился, начал излагать дело.

– Был, понимаете ли, господин, один раб – вон он сидит.

Показал на Аткаля. И встретились на мгновение испуганные круглые глаза Аткаля с бесстрашными узкими глазами десятника. Чуть не закричал с перепугу Аткаль.

Сказал десятник:

– Зачем время тратить на какого-то раба? Его убить надо.

Секретарь закивал, в блокноте запись сделал.

– Конечно, убить его надо.

– А почему такое простое дело так долго разбираете?

– Так оно не простое, господин… У раба есть хозяин. Разве он не отвечает за проступки того, кто предан в его власть?

– Отвечает. Его тоже убить надо. Очень простое дело.

– Вот-вот, господин. – Секретарь многозначительно посмотрел в глаза судье. – Именно так мы и поступим.

– Ну так что мешает?

– Необходимо выяснить, кто именно из хозяев этого парня…

– А сколько у него хозяев?

– Позвольте, я объясню по порядку, господин. Сперва он принадлежал одному человеку по имени Хаммаку. Но потом этот Хаммаку через посредство господина Рихети продал своего раба господину Нидинте; господин Нидинта, ничего не зная о том, какими грязными делами ворочает в Сиппаре его раб, спокойно жил в Вавилоне, а тем временем господин Хаммаку…

Ордынец заскучал. Прекрасный солнечный день угас в его глазах, когда паутина судебной волокиты начала липнуть к нему со всех сторон.

Прерывая многословные излияния секретаря, сказал ордынец:

– Так казните их всех, вот и не надо будет много говорить.

– Это невозможно! – вступился защитник. – Нельзя же ставить на одну доску уважаемого банкира и какого-то прощелыгу.

Молодой десятник повернулся в сторону говорящего. Улыбнулся во весь рот.

– Как это невозможно? Что нельзя сделать, если Орда скажет: «делай»? Я скажу своим людям, они помогут.

И свистнул так громко, что у Аткаля кровь из носа пошла.

В зал ворвались пятеро на лошадях. Десятник махнул рукой, показал на осужденных:

– Вот этих взять и убить.

И были схвачены крепкими смуглыми руками уважаемый вавилонский банкир Нидинта, добросовестный служащий Рихети, хитроумный сиппарец Хаммаку и раб его, ничтожный Аткаль.

– Я протестую! – привычно начал защитник.

Обернулся в седле десятник, поглядел на него.

– И этого прихватите! – крикнул он своим людям. – Его тоже!

И вытащили защитника из-за стола, сорвали с него парик, сдернули плащ, поволокли за волосы, как обычного пленного крестьянина.

А десятник глядел и улыбался. И глаза его сверкали из-под рыжей шапки.

Тогда судья города Сиппара совершил единственный смелый поступок в своей жизни. Вылез из-за стола и бухнулся на колени перед маленькой степной лошадкой. И брезгливо отступила лошадка.

– Пощадите хотя бы защитника! – взмолился судья. – Он-то в чем виновен?

– Перечил, – пояснил десятник. – А ты кто?

– Я судья. Я главный в этом зале.

Снизу вверх смотрит судья на молодого ордынца. Непостижим для него этот человек – да и человек ли?

– Главный? – Кричит своим людям: – Тут еще один нашелся, он главный!

Судья уже сообразил, к чему дело катится, на коленях назад попятился. А ордынец лошадью на него наступает, смеется, зубы скалит. Уперся судья спиной в полированный судебный стол, дальше отступать некуда. Уставился в круглое лицо с узкими глазами – безнадежно губами пошевелил.

– Я судья, – только и пролепетал. – Я судья справедливый… Неподку…

– А, справедливый!.. – И снова своим людям крикнул: – Тогда вниз головой его повесьте, он справедливый!

Обвинитель понял, что самое время исчезнуть. Незаметно к выходу стал прокрадываться. По стене пробирался, мышью скользил, тенью полз. У самого выхода схватили его за волосы.

– Я не… – закричал обвинитель отчаянно. Отбиваться не стал, обвис мокрой тряпкой. – Не надо меня!

И только хохот донесся – как показалось несчастному, откуда-то из поднебесья.

Осужденных отвели в тюрьму, набили всех в одну камеру.

Аткалю – что, он уже свыкся. Повалился на доски и заснул. А остальным не спалось. Шутка ли – вздумал ордынец предать казни всех, не разбираясь. До самого света галдели, возмущались, Аткалю спать мешали. Пытались выяснить, кто все-таки самый виноватый из всех.

А ордынец со своим десятком времени зря не терял. Пригнал пяток сиппарцев, кто ремеслом плотницким владеет, выстроил их на площади перед зданием суда. С лошади не слезая, спросил: как нынче в Империи казнить принято? Ибо не хотелось ему осквернять боевую сталь кровью оседлых людей.

Жители сиппарские с ноги на ногу переминались, стояли криво, ни выправки, ни достоинства. Наконец начали мямлить. Ну, вешают в Империи. Иному голову отрубят, если знатного происхождения. Могут утопить, особливо ежели преступник – жена, уличенная в злостном прелюбодеянии.

Хмурил брови молодой десятник. Потом спросил:

– Самая позорная казнь какова у вас?

И лошадью на старшего из сиппарских плотников наехал.

Тот отступил на шаг, голову склонил, проворчал что-то. Десятник плеткой его огрел:

– Громче говори, не слышу!

Старший голову поднял, в лицо ордынцу взглянул – невыносимое, как солнечный свет. Повторил.

И повелел ордынец строить латинские кресты – проще говоря, столбы с перекладиной.

Утром взялись плотники за дело. Старались вовсю. Поняли уже, что не шутит молодой десятник. Перекладины распорками укрепили, чтобы не обрушилось.

Ордынцы работе не мешали, под ногами не путались, плетками не понукали. И постепенно успокоились и даже развеселились работники. Привычно загоняли гвозди в податливое дерево, шутили даже. В середине дня, по распоряжению десятника, несколько женщин принесли им обед.

Поели сиппарцы, выпили немного, чтобы ладнее спорилось. И разговор между ними завязался. Чего им, собственно, жалеть осужденных? Все они одним миром мазаны, что банкир, что раб-торгаш. Все только и норовят честных тружеников до нитки обобрать.

– Все же соотечественники они наши, – попробовал было возразить один. Но товарищи его не поддержали.

– Жалельщик выискался, – язвительно сказал старший. – А как с Балату подрался третьего дня? Тоже ведь соотечественник он тебе и даже сосед, а ведь как тузил.

– Балату – другое дело. Подлец он.

– Так и Хаммаку подлец.

Задумался парень.

Старший ткнул его в бок.

– Хватит слюни пускать. Работать пора.

Встали все пятеро и снова за работу взялись, чтобы к вечеру окончить.

К вечеру действительно окончили и по домам разошлись.

Наутро опять собрались все вместе – поглядеть на казнь.

И было, на что поглядеть.

Ордынцы городского палача призвали. Тот поначалу как бы смущался. Нешуточное дело – таких важных господ на казнь тащить.

А молодой десятник на лошади сидел, из-под шапки глядел, щурился да усмехался.

Вывели заключенных из темницы на яркий свет. Пьяный весенний снег чавкал под их ногами.

Построили арестантов в ряд. Велели разуться. Закопошились господа осужденные, дорогие ботинки начали с себя стаскивать. Один только Аткаль неподвижно стоял, с него давным-давно сняли, еще в тюрьме. Наконец закончили разуваться, снова выпрямились, замерли.

Положил палач руку на плечо Хаммаку, выдернул его из шеренги. Съежился Хаммаку под палачевой ладонью, покачнулся, подогнулись у него колени.

Никакой грубости в прикосновении палача не было. Так дотрагивается до пострадавшего санитар скорой помощи – умело, хватко.

Вывел Хаммаку за ворота, на Судебную площадь, что раскинулась под окнами тюрьмы. Зеваки уже толпились, гудели.

– Ведут, ведут!

Перед глазами у Хаммаку круги плавают, ничего не видит. Только в темноте безумия своего ощущает ладонь человека, который его ведет.

Остановились.

– Ложись, – сказал голос.

Мягко и властно. Так сам он, Хаммаку, в свое время девкам говорил.

И подчинился Хаммаку – как девки подчинялись.

Неудобно лежать было. Голова с деревянного основания скатывалась прямо в грязь. Палач поправил его руки, надавив, расправил ладони. А те все норовили сложиться в кулаки, съежиться, свернуться улиткой. Сверху еще одну планку положил,

тщательно обвязал веревками.

– Гвозди где? – спросил у плотников.

Те возились, раздергивали ящики из-под стеклотары.

– Да не рассчитали мы чуть, не хватило гвоздей-то, – виновато сказал старший.

– Быстрей давайте, работы много, – распорядился палач.

Хаммаку закусил губы и заплакал.

Ничего он после не видел.

Ни того, как шел к месту казни, спотыкаясь и путаясь в мокрых белых подштанниках, Аткаль. Ни того, как катался по земле, визжал и отбивался господин Нидинта – еле утихомирили, здоров больно.

Только одно и пылало перед его глазами: рыжее мохнатое солнце. То ли Шамаш, Судья Неподкупный, то ли ордынец в своей шапке из лисьих хвостов.

А потом пришла к нему Нана. Старая-престарая, груди как бурдюки, лицо в морщинах. Только глаза лучистые, ясные.

Сказала Нана:

– Идем.

Повернулась и пошла. Шаг упругий, легкий; длинные волосы елозят между лопаток. Со спины вовсе не казалась Нана старухой.

– Куда ты, Нана? – закричал Хаммаку. И побежал за ней следом.

А она поднималась по крутому склону, все выше и выше. Тяжко идти в гору-то. Скрипел зубами Хаммаку, постанывал, кряхтел, но шел. Устал смертельно, но все равно шел.

Зачем, спрашивается, шел?

А затем, что эта Нана – нутром чуял – настоящая была. Не поддельная. Та, что из плена стараниями ордынцев воротилась.

На вершине холма остановилась Нана, взяла его за руку. И увидел он, что снова она молода и прекрасна. И тогда воспылал к ней Хаммаку страшной похотью, стал одежды рвать с нее и с себя, повалил на землю, придавил всем телом, закричал от наслаждения.

И пришла слабость.

Нана выбралась из-под него, волосы в косу собирать стала. Черными были они, пронизанными солнечным светом.

Бессильно глядел на нее Хаммаку, опустошенный усталостью. Приоткрыл рот, но только тихий стон вырвался на волю. Ни рукой ни ногой не мог пошевелить, как будто пригвоздило их к земле. Только одна отрада у него и осталась – смотреть, как одевается Нана, как вновь покрывается морщинами прекрасное ее

лицо. Невыносимо притягательна была она даже в древности своей.

Чья-то тень упала на ее обнаженный живот, который еще не успела покрыть одеждами. И донесся до Хаммаку ненавистный голос молодого ордынца.

– Здравствуй, Нана, – сказал он. – Что это ты надумала?

– Я Нана, что хочу, то и делаю, – сказала богиня.

– Я тоже делаю, что хочу, – сказал ордынец.

Но имени своего не назвал.

И завязался между ними разговор.

– Почему ты предал смерти всех этих людей? – спросила Нана.

– Они виновны.

– Но одни виновны менее, чем другие.

Он рассмеялся.

– Какая разница, чья вина больше. Кто виноват, будет наказан.

– Разве не богам дано судить, кого казнить, а кого миловать?

– Эти люди судили друг друга, как будто они боги.

– Но и ты ведь не бог.

– Для них я бог, – сказал ордынец.

– Кто же бог для тебя?

– Тот, кто сумеет меня убить. А под солнцем в степи все мы одно и то же.

Потом вдруг насторожился он, вытянулся в седле, высматривая кого-то за спиной у Наны.

– Кто там идет?

Нана обернулась.

– Демоны из преисподней, – сказала она. – За мной пришли.

Засмеялся ордынец, тронул лошадь.

– Прощай, Нана! – крикнул он, спускаясь с холма.

Нана не ответила.

Адский голос заскрежетал совсем близко:

– Вот мы и встретились, Нана.

Хаммаку силился поднять голову, чтобы увидеть говорящего, но не мог.

– Пора платить долги, Нана.

Молчание. Только птицы кричат. Маленькие птички, оттаявшие после зимы.

– Так кого ты отдашь нам вместо себя, Нана?

В этот момент все же удалось Хаммаку повернуться на бок. Перед глазами встало прекрасное лицо женщины – не поймешь, молодой или старой. Вся она сиянием была окутана.

И протянув к Хаммаку сверкающие руки, крикнула Нана:

– Его хватайте, его!..

Хаммаку умер первым. Дольше остальных протянул хилый Аткаль.

Настало новое утро.

Поглядел ордынец, как перекладины с трупами укладывают на снег, как выдергивают гвозди, снимают веревки, как переваливают тела на телегу, чтобы отвезти за город и похоронить. И сказал плотникам:

– Скучно у вас, в городе.

notes

Примечания

1

6 ноября.